

ка (на материале креолизованных текстов «Первой газеты»).

Чернышова Т. В. (Барнаул). Образ политика сквозь призму газетных и электронных СМИ разной социально-политической направленности.

Красильникова Н. А. (Новоуральск) «В плечу у русского медведя».

Резунова М. В. (Брянск). Об особенностях современного российского общественно-политического дискурса (на материале дискурса С. Миронова).

Светлова О. Ю. (Москва) Стихотворный фельетон И. Иртеньева как элемент политического дискурса.

Фокина О. В. (Москва) Отечественные политические афоризмы в СМИ начала XXI века

Медведев М. В. (Москва) Специфика речевого имиджа женщины-политика.

Луканина М. В. (Москва) Дистанцирование как метод косвенного воздействия в текстах СМИ.

Карпова Т. Б. (Пермь) Жанрово-стилевые особенности политического дискурса в Рунете.

Масленникова Е. М. (Тверь) Выборы и региональный политический дискурс.

Марьянчик В. А. (Архангельск) Ценностная система вербальной политической автопрезентации в политическом интервью.

Семенова Т. И. (Иркутск) Модус кажимости в политическом дискурсе.

Мы вполне осознанно не стали пересказывать содержание докладов: читателям лучше обратиться к соответствующему сборнику (Политический дискурс в России. Материалы 2007), где все представлено максимально полно. Но еще большее впечатление производит одновременно вышедшая книга, в которую включено все лучшее из материалов предшествующих конференций (Политический дискурс в России. Хрестоматия 2007). Среди авторов статей, включенных в первый (общеметодологический) раздел, – В. Н. Базылев, Ю. А. Сорокин, Ю. Е. Прохоров, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, С. Ю. Данилов, Ю. В. Ковалев. Во втором разделе представлены статьи, посвященные портретам и автопортретам современных политических лидеров (авторы – А. Н. Баранов, Ю. А. Сорокин, В. Н. Базылев, А. М. Холод, И. Т. Вепрева, И. Н. Небышева, Л. В. Енина, Л. Б. Матевосян и М. Т. Фрунджян, В. И. Шаховский, М. Н. Панова и др.). В разделе, посвященном эмоционально-когнитивной характеристике политических лидеров, напечатаны статьи Г. И. Богина, В. И. Шаховского, Т. М. Цветковой, Н. А. Купиной, В. Г. Красильниковой, Т. М. Цветковой).

Единственное, что огорчает, так это то, что не удалось послушать анонсированных выступлений В. В. Шаповала, А. Д. Васильева, И. Т. Вепревой, В. И. Шаховского и некоторых других широко известных специалистов.

Хочется пожелать, чтобы второе десятилетие «Политического дискурса в России» стало не менее плодотворным, чем первое.

© Красильникова Н. А.,
Чудинов А. П., 2007

Суспицына И. Н.

Екатеринбург, Россия

О ПЕЙЗАЖАХ, НАПИСАННЫХ СЛОВЕСНЫМИ КРАСКАМИ

(рецензия на книгу И. Коженевской-Берчинской «Мосты культуры»: Диалог поляков и русских»)

Минское издательство «ЭКОНОМПРЕСС» в 2006 г. выпустило книгу профессора Варминско-Мазурского университета г. Обштын Иоанны Коженевской-Берчинской «Мосты культуры: Диалог поляков и русских» [1] Исследование, выполненное в русле антропологической парадигмы лингвистики, является отражением многолетних лингвистических и лингводидактических изысканий автора – филолога-русиста, пристально следящего за общественной и научной жизнью в России и принимающего в ней активное участие, обеспокоенного проблемами лингвокультурного образования русистских кадров в Польше.

Метафорическое название рецензируемой книги содержит в себе глубокий вертикальный контекст: по мнению автора, диалог культур – это взаимослышание и взаимовнимание, он «не является данностью, ...и его воплощение в реальность требует кропотливого труда» (с. 6). Именно такой кропотливый труд проделала И. Коженевская-Берчинская, собрав, проанализировав и представив на суд читателей лингвистические изыскания, отражающие выражение в языке фактов сознания и культуры поляков и русских (см. библиографический раздел, работы 80-90, 287-290). В польской символической «мост» – это надежное средство сближения и объединения. Двигаясь по мосту, построеному И. Коженевской-Берчинской, русский и польский читатель смогут лучше понять и услышать друг друга.

Рецензируемое исследование состоит из пяти глав, каждая из которых служит раскрытию общего замысла автора. Самостоятельную ценность имеет библиографический список, включающий 391 работу: 199 публикаций русских ученых и 192 труда польских лингвистов и общественных деятелей. «Польская» библиография представляет особый интерес для русистики, поскольку богатый исследовательский опыт коллег и их достижения в анализе взаимосвязи языка и культуры не нашли пока широкого применения в студиях русских ученых (с. 12). В качестве материала для анализа выбран публицистический дискурс двух стран в его политическом, экономическом и социальном функционировании, отражающий меняющийся ценностный мир российского и польского культурного пространства последних десятилетий.

Проблематику книги можно очертить следующим образом: во-первых, какие вопросы волнуют россиян в перестроечное и постпере-

строечное время и как проблемы новой русской ментальности отражаются в языке; во-вторых, что собой представляет «русский человек» в польском общественном сознании на рубеже веков и в начале XXI века; и в-третьих, в чем проявляется сходство и различия поляков и русских с точки зрения лингвокультурологии? Анализ этих проблем позволяет читателю с помощью И. Коженевской-Берчинской «увидеть невидимое, услышать неслышимое, понять непонятное и настораживающее» (с. 128), осуществить плодотворный диалог, поскольку «архитекторы польско-российского публицистического пространства с бескорыстной доброжелательностью освоили гонимое ремесло - искусство лепки общих значений» (с. 67).

Анализируя современное российское публицистическое пространство, автор отмечает, что для инокультурного читателя оно представляет собой «тезаурус знаний о российском человеке, наследнике человека советского, о его внешнем мире, о проснувшихся и активных экзистенциальных вопросах» (с.69). И. Коженевская-Берчинская выделяет 20 групп лексики, в которой проявляет себя национальный дух: новые языковые единицы, называющие непонятные «иноземцам» реалии; новые значения общеизвестных слов: *партия, паспортная система* и др.; общеизвестные понятия подвергающиеся общему осмыслению: *коллективизация, капитализм* и др.; церковная лексика; лагерно-экспрессивная лексика; антропонимы новой генерации и т.д.

Особенно подробно в монографии проанализированы перифрастические новообразования, которые включают в себе богатый арсенал национально-культурных смыслов (гл. 3 § 3) и повышают образность текста; приемы пародийности (гл. 3 § 4), которые проявляются в использовании лексико-семантических и стилистических средств советского новояза (ср. анализ полифоничности *нового антикоммунистического порядка, Единственно Правильного Нечто*); когнитивные потенции метафорического изображения *Рынка*, которое уточняется и конкретизируется через метафоры *Болезни, Кругового путешествия, Дырявой лодки* (гл. 3 § 5). Рассматривая факты русского публицистического дискурса – «чуткого сейсмографа» (с.73), И. Коженевская-Берчинская выступает не в роли беспристрастного лингвиста, а в качестве заинтересованного человека, которого чрезвычайно волнует то, что происходит в России и с Россией.

Восприятие польским общественным сознанием России, ее общественной и политической жизни – следующая проблема, которая разбирается в рецензируемой книге. Отношения России и Польши в своем развитии прошли несколько этапов, они не всегда отличались гладкостью и добрососедством, и поэтому польский публицистический дискурс воспринимает нашу страну не просто как соседа, а

сквозь призму тех моральных и политических коннотаций, которые печальным шлейфом тянутся из прошлого. И. Коженевская-Берчинская показывает читателю, что известные политические деятели, социологи, историки и журналисты Польши (Р. Парадовский, Ш. Оссовский, Й. Помяновский, А. Валицкий и др.) заинтересованы российской историей и современностью, они пытаются определить менталитет россиян, разобраться в их мифологизированной инаковости, определить, куда же направляется Россия (перечень сюжетных линий, представленных в польской публицистике о польско-русском межпространстве, см. с. 60, 61). Решение этих вопросов поможет полякам лучше понять и себя, и собственные проблемы.

К сожалению, автор вынужден констатировать, что в польском мышлении преобладают отрицательные эмоции, которые нередко предопределяют стереотипное видение России и россиян (с. 19), а материал, характеризующий российское восприятие мира, характеризуется недопониманием и незнанием (с. 25). Вместе с тем И. Коженевская-Берчинская полна оптимизма: если видение русской действительности из польской перспективы не всегда толерантно (в чем, кстати, зачастую виноваты сами русские со своим высокомерным отношением соседям, см. негативные оценки польской истории и современности действительности в российских СМИ: ср. с.25), это не означает, что межкультурный диалог между нашими странами невозможен. И он ведется! Имеются многочисленные переводы, существует заинтересованность современным литературным миром, развиваются и крепнут гуманитарные связи. «Лишь бы мы вместе стали чем-нибудь больше, нежели просто суммой знаний!» (с.67).

На наш взгляд, наибольший интерес для русского читателя представляют сопоставительные изыскания И. Коженевской-Берчинской. К сожалению, мы не достаточно хорошо знакомы с достижениями польских коллег (Е. Бартминского, А. Лазари, В. Хлебды, И. Смаги) в области русско-польских лингвокультурологических соответствий, поэтому материалы и выводы, представленные в рецензируемой монографии, являются ценными. Так, в сравнительном ключе автор проводит «новую перепись населения» (с. 34-38) и анализирует лексические средства, которыми описываются концепты «новые лишенцы»; рассуждает о толерантности и «новой охоте на ведьм» в концептосфере русского и польского языков, которая особенно ярко проявляется в функционировании антропонимических единиц, с помощью которых клеймят всех «не наших» (*комухи, солидарухи, жидакомуна, масоны, криптокоммунисты* в польском дискурсе – и соответственно в русском *трубадуры административно-командной системы, твердоголовые, индивидуальные кассандры*); раз-

мышляет о былом и настоящем интеллигенции в русском и польском этосах, см.: «Кондиция современной интеллигенции в русском и польском социумах в основном не отличается. Она перестала быть не только отдельным классом, но, пожалуй, и прослойкой» (с. 58) (к сожалению, автор не использует данные В. И. Карасика, который приходит практически к такому же выводу [2]). Эти изыскания имеются в первой и второй главах.

Главы четвертая и пятая полностью посвящены лингвокультурному анализу. Четвертая глава *Гендер в публицистическом дискурсе* вводит в оборот не только публицистические, но и паремиологические и афористические тексты. Автор отобрал по 150 русских и польских пословиц и 200 афоризмов и на основании их анализа показал что, хотя имеются различия в концептуализации гендерной философии у двух этосов, в целом гендерные стереотипы в дискурсе обеих культур имеют сексистский характер и отражают мужской шовинистический взгляд на противоположный пол. Не вызывает сомнения цель, в связи с которой исследователь включает эту главу в свою работу: плодотворный диалог необходим и возможен не только между людьми разных культур, но и в равноправном феминистско-маскулистском мире, только тогда «мы можем надеяться на аутентичный праздник разнообразия» (с. 101). Если принять во внимание тезис И. Коженевска-Берчинска, что к изучению гендера польские исследователи подключились лишь недавно (с. 97), то проведенный ею анализ становится еще более ценным.

Последняя глава *Культура как совокупность ценностей*, по замыслу автора, – «своеобразное резюмирование проблематики поисков тождественности, а также потенциальных предпосылок для возможности диалогического контакта» (с. 109). В данной главе И. Коженевска-Берчинска описывает аксиологические поиски русских и поляков (это семиотический пейзаж из живых картинок: движение, перемещение, изменение направления – *вояж в Неизвестное Далекое*; поиски *дороги к Храму* через общечеловеческие и традиционно русские и польские ценности); рассматривает новое мифотворчество в дискурсах публичной коммуникации двух этосов (в российской ментальности: *миф об идеальной демократии, об обогащении любой ценой, о всемогуществе Церкви и ее конфессий, о необходимости сильной руки; миф об обожествлении собственности, о превосходстве по отношению к восточным славянам, чрезмерная мифологизированность Запада, как резюме – миф о польской толерантности* – в польском публичном дискурсе; тоска обоих народов по *мифу социальной справедливости*), причем миф для автора – это особое состояние сознания, исторически и культурно обусловленное (с. 114). И в качестве апогея мифотворчества

И. Коженевска-Берчинска выводит феномены «*польскость*» и «*русскость*», которые, на наш взгляд, можно определить как лингвокультурные концепты, поскольку именно в феноменах *польскости* и *русскости* типизируются как лучшие, так и худшие черты двух этосов.

Начиная исследование, И. Коженевска-Берчинска в § 1 гл. I определяет свои методологические позиции с точки зрения лингвострановедения и лингвокультурологии. Опираясь на труды корифеев первой дисциплины Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [3], а также основоположников лингвокультурологии в русистике В.А. Масловой [4] и В.В. Воробьева [5], подробно разбирая их теоретические концепции и сопоставляя пространство интересов и достижений этих двух отраслей лингвистики, автор рецензируемой монографии приходит к мысли, что «есть основания сомневаться в неординарности лингвокультурологических идей» (с. 9), поскольку «лингвокультурология как отдельная дисциплина возникла в результате растущего количества исследовательских вопросов, обилие которых просто не вмещалось в рамки одной единственной дисциплины – лингвострановедения»; «используем ли мы термин «лингвострановедение» или «лингвокультурология», мы так или иначе изучаем вопросы о взаимодействии и взаимообусловленности языка и культуры» (с.11). В итоге остается неясно: пред нами лингвострановедческое или лингвокультурологическое исследование? С одной стороны, И. Коженевска-Берчинска декларирует свою приверженность взглядам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, т.е. позициям лингвострановедения, с другой стороны, в дальнейшем этот термин в исследовании не употребляется, а вот термины лингвокультурология и лингвокультурологический в монографии используются постоянно.

Очевидно, вышеизложенная терминологическая неопределенность рецензируемого исследования предопределена как общим состоянием теоретической научной мысли, так и профессиональными пристрастиями автора. Во-первых, в лингвистике закрепилось понимание того, что лингвострановедение – это изучение этнокультурных особенностей, закрепленных в языке и проявляющихся в речи, а лингвокультурология – это выявление через язык национально-культурной специфики, хотя в последнее время высказываются гипотезы, что лингвокультурология – это не языковая дисциплина, а культурологическая [6]. Во-вторых, «лингвострановедческая» приверженность И. Коженевской-Берчинской предопределена ее профессиональными пристрастиями: она – преподаватель русского языка как иностранного с многолетним стажем работы, поэтому дидактический опыт объяснения польским студентам российской культуры сквозь призму языка наложил отпечаток на теоретические пристрастия ученого.

Теоретические «разночтения» автора четко прослеживаются в тексте рецензируемого исследования. Так, страницы посвященные разъяснению лингвокультурных лакун в сознании носителей польского языка, связанных с российской действительностью, написаны в лингвострановедческом ключе. Главы, в которых речь идет о сопоставлении русской и польской ментальности, отраженном в языке, выполнены в лингвострановедческом аспекте. Таким образом, перед нами своего рода «зонтичное» (термин С.Г. Воркачева, [7]) исследование по соприкасаемости с другими ветвями лингвистики, которое можно определить как кросскультурное, отвечающее нуждам лингводидактики, объединяющее в себе достижения лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Ср.: кросскультурность «через общее и различное обогащает языковую культуру носителя всем этническим спектром отражения мира в языке» [8].

Методические находки И. Коженевско-Берчинской окажутся полезны и ее русским коллегам. Автор рецензируемой книги с помощью анкетного опроса с 1993 г. проверяет понимание ключевых концептов советской, а также культуры наших дней польскими студентами-русистами. Результаты анкетирования показали, что респонденты во многих случаях поверхностно понимают явления российской действительности, а зачастую и не понимают вообще (с. 13-14). Нас заинтересовали результаты, полученные И. Коженевской-Берчинской, и мы решили провести подобный опрос среди русских студентов с целью выяснить, насколько носители русского языка знакомы с концептами *чрезвычайщина*, *враг народа*, *оттепель*, *новое мышление*, *поколение дворников и сторожей* (слова из списка И. Коженевской-Берчинской). В качестве респондентов выступали студенты исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (30 чел.), экономического факультета Уральского государственного университета (20 чел) и Уральской государственной юридической академии (20 чел). Результаты анкетирования оказались для нас неожиданными: первое понятие смогли объяснить только 7 человек, второе – 12 (для основного количества опрошенных студентов *враг народа* – это тот, кто идет против интересов и блага народа); последнее понятие не смог разъяснить ни один из опрошенных (ср.: Это в основном пенсионеры, которые вынуждены ради копейки заниматься любым трудом). *Оттепель* и *Новое мышление* попытались объяснить все респонденты, но толкования дают очень поверхностные. И. Коженевской-Берчинской ведется спецсеминар «Новые лики России» с целью заполнения лингвокультурологических лакун в языковом сознании польских студентов-русистов. А что можно предложить нашим будущим историкам, экономистам и юристам?

Очевидно, кросскультурное образование необходимо и русским студентам.

Конечно, «придирчивый» читатель (кстати, по мнению И. Коженевской-Берчинской, обилие закавыченных смыслов – характерная черта современного российского дискурса (с. 75), найдет в рецензируемой монографии и недочеты, и спорные положения. Так, вызывает удивление, что автор, так хорошо знакомый с состоянием теоретических изысканий русских коллег, обходит вниманием социолингвистические штудии, например, Е.А. Земской и Л.П. Крысина [9], а ведь их исследования во многом пересекаются с мыслями, излагаемыми в книге. Не вызывает поддержки тезис И. Коженевской-Берчинской о том, что лишь немногие ученые посвящают свое внимание изучению публицистики (с. 70).

Но так поступит только «придирчивый» читатель. А читатель, заинтересованный в расширении своего культурологического кругозора, с благодарностью воспримет монографию И. Коженевской-Берчинской, поскольку в ней рассматриваются интереснейшие факты, свидетельствующие о разносторонней и глубокой эрудиции автора, заинтересованного в плодотворности как научного, так и общенародного общения двух этосов.

Литература

1. Коженевская-Берчинская И. Мосты культуры: Диалог поляков и русских. – Мн.: Экономпресс, 2006.
2. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // В сб.: Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. – Волгоград: Парадигма, 2005. С.25-62.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990; Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка: В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М., 2000.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
6. Городецкая Л.А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема. М., 2007.
7. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый» термин //Язык, сознание, коммуникация. Вып.24, - М., 2003. С. 5-12.
8. Алиева Н.Н. Кросскультурная лингводидактика. Махачкала, 2006.
9. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: языки славянской культуры, 2003.
10. Язык современной публицистики: сб. статей. – М.: Флинта : Наука, 2007.